

Семен Ютов

Матрёшка, или Побег
из Москвы

16+

Семен Ютов

Матрёшка, или Побег из Москвы

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Ютов С.

Матрёшка, или Побег из Москвы / С. Ютов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Книга написана в классическом жанре антиутопии. Заглядывая примерно на 50 лет вперед, автор рисует мрачную картину жизненных реалий России. Несмотря на столь пессимистичный взгляд, в этой картине есть место и чуду, и надежде. В то же время это и роман-предупреждение, автор искренне надеется, что написанное им не сбудется, а станет лишь только сном, который развеется с первыми лучами зарождающегося нового дня.

© Ютов С., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Все персонажи этой книги вымышлены, все совпадения – случайны.

«Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится,

Не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла,

Не радуется неправде, а сорадуется истине;

Все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит.

Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится».

Первое послание к Коринфянам Святого Апостола Павла, Глава 13

Заканчивается очередной выпуск программы «КВН». Слышен голос ведущего Александра Маслякова: «Итак, в финал выходят: «Ростовские узбеки» (г. Ростов-на-Дону), «По жизни» (г. Магадан), и «Воинствующие атеисты» (г. Москва)».

– Ты смотри, мать, а внук-то наш в финал вышел, – произнес старик, сидящий возле телевизора.

– Даже не знаю, радоваться или нет. И зачем мы вообще это смотрим, – отвечает ему старушка, примостившаяся у его плеча.

– Так ради внука и смотрим. Следим, так сказать, за карьерой.

Да, мой внук в каком-то смысле воплотил мою не то что бы мечту, а скорее некий возможный вектор моего развития – стал профессионально играть в КВН. А КВН уже не тот, что раньше. Хотя его путь шел по вполне закономерному и последовательному направлению. Из запрещенной игры он превратился в основное оружие информационной пропаганды среди молодежи. Во времена моей юности шутки про «попов» скорее проскальзывали, чем были частью обязательной программы. Потом я стал замечать, что это уже какая-то программа-минимум – чтоб хоть раз каждая команда отпустила что-нибудь скабрзное про священников. Причем не просто абстрактных священников, а вполне себе православных.

Сегодня КВН – официальная программа, выпускается при поддержке Правительства России. И уж теперь-то никто не делает вид, что это самое правительство всячески поддерживает православную церковь. Нет, конечно, поддержка РПЦ есть, только РПЦ уже расшифровывается совсем не так... И КВН находится на самом кончике острия, направленного против православия. Многие говорят, что Масляков зациклился, что уже хватит этого высмеивания ушедших в подполье попов и их немногочисленных сторонников. Но бессменный ведущий (точнее, сын казавшегося бессмертным бессменного ведущего) продолжает, не ослабевая напор. Как человек, выполняющий чужую волю, он не может иначе.

Как так получилось, что мой внук оказался в гуще этой свистопляски? На самом деле, это не так интересно. А интересно другое: почему вдруг (и «вдруг» ли вообще) все так изменилось. Я еще помню президента страны, присутствующего на Пасху в Храме Христа Спасителя, который теперь снова разрушен (сразу вспоминается игуменья Алексеевской обители). Помню законы о запрете пропаганды гомосексуализма среди несовершеннолетних, помню планы о строительстве храмов в спальных районах. Но я также помню и провокации Pussy Riot, и убийства священников, и запустелые руины храмов по всей России, и много чего еще можно вспомнить, если хорошенько покопаться в уже сильно постаревшей памяти. Все это почти не заметно вело, вело нас к сегодняшним дням. И вот я проснулся в одно воскресное утро, чтоб, как всегда, пойти на литургию, но не услышал привычный бой колокола нашего любимого храма Покрова Пресвятой Богородицы. «Проспал», – подумал я. Но нет – было еще рано, зимний день еще только начал расцветать своими приглушенными красками. Встав побыстрее, я скорее двинулся в храм. Но нашел его двери затворенными, и лишь несколько человек стояли

возле них в недоумении. Они пытались вместить в свое сознание несколько слов, напечатанных на листочке А4, прилепленном к дверям храма:

«В соответствии с Приказом №313 от 13.12.2031 церковь закрыта для посещений и богослужений»

Рядом, не привлекая особого внимания, дежурили несколько сотрудников полиции. На другой стороне улицы, еще больше не привлекая внимание, стояли два человека, как их раньше называли, в штатском, хотя, возможно мне просто показалось.

Когда я достал телефон, один из полицейских несколько оживился, а когда я навел объектив встроенного в него фотоаппарата на объявление, и вовсе подбежал ко мне и вежливо, держась за кобуру и тревожно глядя через дорогу, попросил не фотографировать. Я подчинился, огляделся еще раз и пошел прочь. Отойдя на расстояние вне зоны видимости силовиков, быстро записал по памяти текст объявления и поспешил домой.

Пожалуй, этот день можно было считать началом открытой демонстрации государством своего истинного отношения к Церкви. И шли к этому постепенно, можно сказать, исподтишка проводя нужную линию. За какие-то 20 лет приход нашего храма сократился почти в три раза и стал по составу напоминать клуб «кому за 40», очереди из причащающихся детей больше не было, по количеству они сильно стали проигрывать взрослым, хотя совсем недавно ситуация было диаметрально противоположная. Почему так произошло?

Причина проста и банальна: информация, ставшая основным орудием в решении почти любой задачи. Этим орудием в совершенстве владеют те, кто имеет инфраструктуру для его использования. У РПЦ была одна радиостанция и один канал на телевидении, причем каждый из них было не так просто найти. Все остальные каналы и радиостанции имели, да и имеют по сей день, строго антихристианский или нейтральный характер. Интернет, аудитория которого росла в геометрической прогрессии, давал возможность православию самовыражаться и заявлять о себе, но в Интернете, как нигде больше, актуальна проблема отделения зерна от плевел. Ведь на каждый православный сайт выросло пять анти-православных и два псевдо-православных (что гораздо опаснее).

Заметив столь опасную тенденцию, некоторые православные священники стали проситься о переводе их в более отдаленные и глухие части нашей пока еще необъятной страны. Выдав каждому по мобильному телефону с изображенным на нем производителем символом первородного греха на оборотной стороне, их отпускали. Откуда у РПЦ деньги на дорогие телефоны для своих священник, спросите вы, и почему не обратили внимание на такой яркий антихристианский символ на них? Это подарок некоего фонда, учрежденного Правительством РФ. Через время Церковь поняла, что зря приняла этот дар, но понимание пришло с серьезным опозданием. Универсальное средство слежения, мобильный телефон записывал и передавал все, происходило в зоне его досягаемости. Батюшки, казалось бы, бывшие в полной безопасности, никого не беспокоившие, а просто проповедующие среди немногочисленного населения Зауралья, гибли при загадочных обстоятельствах.

Иные же священники и другие люди, называвшиеся православными, активно выступали по всевозможным каналам, вели блоги, а некоторые даже занимались откровенным вандализмом под прикрытием «благих намерений» и «священного гнева» оскорбленного. Но слова и дела таких людей вызывали все большее недоумение у верующих, ибо все сильнее расходились они с учением Церкви и словом Евангелия. Многие поэтому отпали, пошли искать правду в других верованиях, но и там не находили ее. Отчаявшись же, говорили, как безумцы: «Нет Бога».

Конечно, храмов больше не строили. Злопыхатели говорили: «Вместо того чтобы построить храм, лучше раздать эти деньги нищим». Им резонно отвечали: «Если построим храм, то вокруг него сотнями лет, пока он будет стоять, буду кормиться эти самые нищие». И даже ссылались на Евангелие: «Вот в Евангелие от Иоанна тоже есть такой момент: Иуда сокрушался,

что купили дорогое масло, чтоб помазать им Иисуса, вместо того, чтоб раздать эти деньги нищим. И кто был Иуда – предатель, убийца и вор». Но слова эти не доходили до сердца и ума богоборцев. В городском пейзаже кресты окончательно утонули в телевизионных антеннах.

На уровне законодательства было установлено, что все религии разъединяют людей, делая одних выше других. Те, кто остался православным, решил для себя, что лучше быть разделенными, и стоять на стороне Христа, чем быть едиными приверженцами князя мира сего.

В этих, прямо скажем, тревожных условиях, у моего сына родился мальчик. С первых лет жизни мой внук проявлял себя как человек живой, творческий, с неуёмной энергией и поразительным чувством юмора. Мои старания воспитать его в православной вере, к сожалению не дали своих плодов – он, по истине, дитя своего века. Но искра Божья была в нем, я это совершенно точно видел и успел крестить его до того, как «крещеный» стало синонимом «неполноценный». Крестины, тем не менее, прошли тайно, и даже он не знал, что был крещен.

В школе на него обратили внимание как на парня с актерскими способностями, и к окончанию он уже был матерый кавээнщик, выигрывая соревнования разного уровня. В МГУ его взяли без учета проходного бала по ЕГЭ – университетская команда КВН очень хотела получить его в свое распоряжение. Будучи самым молодым членом команды, но быстро завоевал любовь и уважение сотоварищей и, можно сказать, стал местной звездой. Вот так он и пришел к сегодняшнему дню – финалист Высшей лиги КВН, до чемпионства рукой подать, и шансы на это чемпионство очень велики. Да и сам он уже совсем скоро будет отцом – его жена беременна. И если совсем недавно он еще заглядывался на девушек, то теперь его внимание все больше стали привлекать детские коляски.

Все в нашей семье любили КВН, отец любил и смотрел, мама. А я относился к нему, так сказать, профессионально, и поэтому не любил. Все считали меня очень остроумным парнем, мне всегда удавались разные шутки, приколы, колкие высказывания, сильные сравнения. И мне нравилось, что ко мне так относятся, что я популярен, не в мировом масштабе, конечно, но тем не менее. Многие девушки тоже «клевали» на меня, на эдакий центр внимания, искрящийся и неугомонный. Так было в школе, университет и после него. Я зарабатываю на жизнь КВНом, и может это и не самая престижная работа, но она мне нравилась все это время, и давала все, чего я хотел: самоудовлетворение, самореализацию, популярность и хорошую оплату. Работа в КВН была почти официальной государственной службой: мы, можно сказать, элитное подразделение идеологической машины, имеем хорошие льготы, нас везде принимают и закрывают глаза на какие-то слабости. У кого-то это наркотики, у кого-то – алкоголь, а у меня – хотел бы думать, что их нет, но, посмотрев правде в глаза – это женщины. Я вынужден признать, что мне сложно пропустить хотя бы одну юбку. Хотя это выражение уже устарело, ведь юбки-то уже почти никто и не носит, кроме каких-нибудь старушек, тайно посещающих какие-то сборища вместо церкви. В общем, будь то юбка или бесформенные штаны на бедрах женского пола, мне уже сложно себя контролировать, начинает запускаться какой-то неведомый механизм, и я уже практически профессионально, с годами отточенной техникой захватываю это создание в свою власть, которая кажется мне безраздельной. Конечно, меня быстро отпускает, и женщина, поддавшаяся моему бесспорному обаянию, и отдавшая себя всю мне без остатка, выбрасывается вон. Одна из них даже как-то крикнула мне в слезной злобе, после того, как я ее бросил, что, мол, мои эмоции такие же мелкие как смайлики, которые я использую в переписке. Поэтично, ничего не скажешь.

Казалось, а что тут такого, на что стоило бы закрывать глаза тем, кто находится над нами? Дело в том, что среди разрушенных мною сердец попадают те, что принадлежат дочкам видных деятелей нашей эпохи, и это (хе-хе, как ни странно) вызывает очень негативную реакцию

их папаш. Наверное, меня бы уже давно лишили не только моей работы, но и некоторых очень важных органов, если бы не мое место работы и положение, которое я в нем занимаю.

В общем, я совершенно доволен своей жизнью, иду по ней легко, лечу как беркут, плыву как акула: в общем, с чем хотите, с тем и сравнивайте. Но порой я чувствую, что на меня как-будто нападает кто-то внутри меня, и начинает есть, грызть, всплывают в памяти все эти красавицы и не очень, которые прошли через меня, или я через них, не знаю. Да, понимаю, что звучит это, как в какой-то мелодраме про ловеласа и неотразимого мачо с затаенным чувством вины. Но эта штука, которую называют устаревшим словом «совесть», она реально каким-то непостижимым образом оказалась во мне. И я совершенно не могу понять, как так вышло. Ведь с ней в наше время не живет ни один здравомыслящий молодой человек. Спросил у деда, а он мне сказал вообще крамольную вещь: сослался на некоего Иоанна из Кронштадта, что-то из серии того, что совесть – это глас Бога в сердцах человеческих.

Так продолжалось несколько лет. Пока не произошел один очень странный случай. Как говорят в таких ситуациях, этот случай перевернул мою жизнь. И, думаю, перевернул он ее с головы на ноги...

Папу забрали в психиатрическую больницу, когда мне исполнилось 18 лет. Не знаю, может, не хотели отдавать меня в детдом. Они и так у нас переполнены. Не спасает ни простой порядок усыновления и удочерения, ни разрешение брать детей однополым парам, ни пропаганда «дети должны расти в семье». Кажется, эта система сама себя окупает и питает: одни сотрудники соцслужбы забирают детей у нормальных родителей, другие отдают их либо тем, кто дал за это деньги, либо является человеком, которого неодолимо тянет к другим людям его же пола. Такой круговорот детей в России получился. Бог уберег меня, и я успела достичь совершеннолетия до того, как папу признали недееспособным и поместили в лечебницу.

Конечно, лечебница – только название. Причем название, которое совершенно не отражает то, чем занимаются там люди. Я читала, что в советские времена людей помещали в психбольницы, если они были инакомыслящими. Что-то очень похожее происходит и сейчас.

Мой отец выходил на улицу и убеждал прохожих, чтобы они задумались над тем, что происходит вокруг них. «Последние времена... Вот когда мы живем... Храмы закрывают, священников рассевают по земле, подтачивают церковь изнутри... И, главное, как у них все хорошо получается!», – так он говорил. Люди, в основном, шарахались от него, обходили подальше. Он действительно смахивал на «городского сумасшедшего». Единственное, то, что он говорил – не было бредом или навязчивыми идеями. Это происходило вокруг нас и казалось страшным сном, кошмаром, который сейчас, вот-вот, закончится, и все станет как раньше.

Как раньше... Получается, государство ослабило свое давление и дало Русской Православной Церкви хоть как-то прийти в себя только на какие-то 40 лет. Возрождение, о котором так много говорили, проходило под неусыпным наблюдением неких сил, которые подобно двуликому Янусу, к Церкви были повернуты одним лицом, а к миру – другим.

Как только Россия приняла решение о входе в состав Евразийской республики, объединяющей Европу, Россию и страны бывшего СССР, что-то резко изменилось в отношении ко всем религиям, ну кроме разве что каких-то маргинальных сект, которым почему-то стали раздавать земли и храмы православных, мусульман, католиков, иудеев. Конечно, особенно болезненно это отразилось на православных. Сначала все раздали, потом точно так же забрали. Правда, изощренность юридических обоснований таких действий, по истине, поражала. «Многонациональная, многоконфессиональная страна», «равенство всех перед законом и судом», «светское государство», «в ходе приватизации выявлены нарушения» – все эти и многие другие клише так набили оскомину, что слышать их было невозможно. Об этом рассказывал мне отец, а мои глаза с каждым таким рассказом все больше округлялись от недоумения, что такое вообще

может происходить. Он любил шутить: «Вот почему у тебя такие большие темные глаза, дочка! От моих рассказов!».

Большие, может быть, даже слишком большие и не вполне пропорциональные по сравнению с лицом, ее глаза смотрели на него в упор. Без тени кокетства или заигрывания, но с каким-то глубоким интересом, именно с интересом, а не просто с любопытством, как могло бы показаться. Он так же неотрывно стал смотреть на нее, но почему-то не решался заговорить, чего с ним раньше никогда не бывало. Познакомиться с девушкой в метро – что может быть проще для него? Вдруг прямо за ней раздался грубый, хриплый голос какого-то парня:

– Че это за телка? Церковная что ли?

– Да сто пудов! Смотри, какой прикид! – ответил один из его приятелей.

– Эй, ты чего делаешь в нашем вагоне? А ну пошла отсюда! – продолжал первый.

Только сейчас он заметил, что миловидный овал лица обрамлял платок, похожий на тот, что видел он на своей бабушке на фотографиях. Девушка был не в джинсах, как носят сейчас почти все девчонки ее возраста, а в длинной юбке, закрывавшей ее ноги до самых щиколоток.

Девушка молчала, не оборачивалась. Складывалось впечатление, что она не слышит обращенных к ней слов. Парень схватил ее за предплечье и с силой развернул так, что они оказались лицом к лицу. Люди вокруг них стали перемещаться в другой конец вагона, предвидя конфликт, в который они совершенно не хотели вмешиваться.

– Что молчишь, немая что ли? – еще более агрессивно прорычал парень, продолжая крепко сжимать ее руку.

Он был небольшого роста и не производил впечатление физически крепкого человека. Зато пару друзей у него за спиной были высокими, широкоплечими парнями, под 90 кг каждый, они поигрывали внушительных размеров мышцами и ухмылялись.

– Да ладно, брось ты ее, сдалась она тебе! – добродушно сказал один из них.

– Ты что, забыл, зачем тебе выдали значок «Воинствующий атеист»? – огрызнулся заводила.

Действительно, на груди у каждого из них был легко узнаваемый черный значок организации «Воинствующий атеист», к которой была приписана его команда КВН. Видимо, эти ребята были из так называемого «Патруля воинствующих атеистов», как он сразу этого не понял? Тут стоит сказать, что как капитан команды КВН, он, как ни странно это звучит, имел определенные властные полномочия и даже авторитет в организации, хотя никогда не воспринимал это серьезно и не пользовался этими возможностями, ему просто не было это нужно.

Предводитель патруля резким движением попытался разорвать застёжки пальто девушки, чтобы найти и сорвать с нее крестик, который он ожидал обнаружить на ней, но почему-то у него ничего не вышло, что еще больше разозлило его. Кавээнщик все думал, когда же закончиться этот бесконечный перегон между станциями, чтобы девушка смогла выбежать из вагона. Но она как будто и не думала двигаться с места. Разъяренный парень наотмашь ударил ее тыльной стороной ладони по лицу, но голова девушки почти не дрогнула. Наш герой уже представил, как следующий удар, на это раз – кулаком, летит в лицо несчастной, а она, уклонившись, проводит правый боковой в челюсть ее обидчика, и тот грузно опадает на пол. Но, конечно, этого не произошло. Изумленный стойкостью девушки, главарь в нерешительности замер. Заметив замешательство своего приятеля, третий воинствующий атеист, до этого не проронивший ни слова, молча выдвинулся вперед и со словами «Вот как надо» нанес девушке коротки мощный в голову, от которого она, отлетев, упала на ближайшее сидение метро. Парни обступили ее с явным намерением пустить в ход ноги, и закончить начатое избиение. Обычно такие упражнения заканчивались смертью или пожизненным статусом «лицо с ограниченными возможностями без права на компенсацию».

Тут с ним что-то произошло. Он выдвинулся вперед из толпы глазеющего народа, сунул в нос каждому из членов патруля свою карточку капитана команды КВН «Воинствующие атеисты» и со словами «Я ее забираю», буквально выволок еще не до конца пришедшую в себя девушку из вагона. Благо, поезд наконец-то добрался до станции, и двери открылись как раз вовремя: воинствующие атеисты не успели сказать ни слова, и даже расступились, давая им дорогу. Поток людей, заходящих в вагон, скрыл их.

Из носа девушки сочилась кровь, она приложила к нему свой платок, но тот почти сразу напился кровью. Он дал ей свой, и они быстро шли через толпу людей, стараясь как можно скорее покинуть метрополитен. Девушка не плакала, одной рукой держала у носа платок, а второй сжимала его руку, насколько крепко, что ему даже стало немного больно.

Выйдя из метро, они прошли прямо и уткнулись в какой-то сквер. Кровь как будто прекратила идти, и они сели на первую же скамейку. Все время пока они шли, ни один из них не проронил ни слова. Как только они сели, он впервые услышал ее голос.

– Как тебя зовут? – спросила она.

– М1122030ФАС – отчеканил он.

– Нет, какое у тебя нормальное имя, настоящее?

– А чем тебе это не нравится, вполне нормальное имя, ничуть не хуже других!

– А ты крещеный?

– Гм... Слава Радикальному Экстремизму, нет!

– Ох, какие страшные вещи ты говоришь! Но мне кажется, ты крещен, просто не знаешь этого. Вот что значат последние буквы в твоём имени?

– Первая – не знаю, никогда не интересовался. Знаю, что это единственное, что могут придумать родители в имени, остальное присваивается автоматически. Надо у них спросить... А вторая – первая буква имени отца и первая буква его фамилии.

– Узнай, как тебя на самом деле зовут, я помолюсь за тебя.

– Не надо за меня молиться. Тоже мне, придумала... Как ты вообще здесь оказалась. Такие как вы, уже давно прячутся по углам, и не кричат где ни попадая, что за кого-то молиться будут. Эдак недолго и психбольницу попасть. Или туда и шла? Может тебя проводить?

– Да, мне нужно в психбольницу, навестить отца.

– А ты не в курсе, что нельзя там никого навещать?

– Знаю я, но все равно хочу увидеться с ним.

– Там тебя и оставят, вместе с ним. Может, вылечат.

– Глупости ты говоришь. И не думаешь так вовсе!

– Откуда тебе знать, что я думаю?

– У тебя по лицу все прочитать можно. И глаза – не такой ты, как кажешься всем.

– Каким же я всем кажусь?

– Самодовольным развратником, талантливым и беспечным.

Он отшатнулся от нее, пораженный такими словами, сказанными остро, правдиво, пронзившими его четырьмя стрелами, и все точно в цель – в глухо, надсадно кровоточащее сердце.

Они помолчали какое-то время. Потом он спросил:

– А тебя как зовут?

– Анна.

– Что это за имя такое? Никакой идентификации! В чипе твоём что записано?

– Нет у меня никакого чипа.

– Как это? Всем с 2030 года при рождении чип вживляют.

– Я родилась раньше 2030-го.

– Ну и что, сейчас все чипованы, даже пенсионеры.

– Ты заблуждаешься.

– Тогда как ты живешь в Москве? В метро нельзя пройти, не приложив руку к валидатору.

- Ты очень многого не знаешь об этой жизни.
- А ты прямо вот знаешь? Кто ты вообще такая?
- Та, с кем тебя свел Бог для какой-то важно цели. Так, наверное.

Он, конечно, предполагал, что эти «церковники», как их все называли, – странные люди. Но скорее он считал их просто темными невеждами, которые родились не в то время и которым прямая дорога либо в глубокое средневековье, либо в глубокие леса. Но эта девушка, так странно, но так правдиво и открыто говорящая, вовсе не казалась малограмотной и недалекой. Совсем наоборот, смотря на него своими огромными глазами, пронзительно карими, она четко знала, что и почему говорит.

- Ну ладно, я смотрю, ты вроде в порядке, так что я пойду, – сказал он.
- Ты только скажи, а почему ты решил меня спасти?
- Не знаю... Я ничего не решал, просто поддался какому-то порыву, что ли. Не знаю...
- Наверное, у тебя теперь будут проблемы из-за этого?
- Да не должно быть. Кому я нужен!

Он был неправ. Камера в вагоне, а также в вестибюле и на выходе из метро записала каждый их шаг, и данные об инциденте уже передавались в Федеральную службу по контролю религий, более известную как ФСКР. Трое патрульных «Воинствующих атеистов», конечно, не очень-то хотели огласки этого случая, в котором они показали себя, откровенно признаться, совершенно жалко. Но это никого не интересовало, и присутствовавшие в вагоне люди поспешили сообщить обо всем случившемся в ближайший пункт полиции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.